

Павлов Н.С. Константин Иванов в чувашском литературоведении / Н. С. Павлов // Классик чувашской поэзии : сб. ст., посвящ. 75-летию К. В. Иванова. — Чебоксары : Чуваш. кн. Изд-во, 1966. — С. 111-128.

*Н. С. ПАВЛОВ,
кандидат филологических наук, доцент*

КОНСТАНТИН ИВАНОВ В ЧУВАШСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

За все время своего развития чувашская литературоведческая наука обращала пристальное внимание на исследование вопросов, связанных с жизнью и художественным творчеством К. В. Иванова. Это объясняется тем, что он по праву считается основоположником и классиком чувашской поэзии. Все созданное Ивановым, являя собою совершенные образцы чувашской поэзии, исполнено истинной народности. Именно этим привлекает его наследие многочисленные читательские массы, не теряя своей нравственно-воспитательной силы и художественного очарования.

Поэма Иванова «Нарспи» не только получила высокую оценку среди многочисленных читателей различных национальностей: своим идейно-художественным содержанием она оказала значительное влияние на творчество писателей и других деятелей искусства нашей страны.

В самой же Чувашии нельзя отыскать писателя, на которого не оказал бы благотворного влияния Константин Иванов. В этом отношении его значение в развитии чувашской литературы по праву можно сравнить с ролью Пушкина в русском литературном процессе.

Первые публикации об Иванове и его творчестве начинают появляться уже после установления советской власти. Так, одна из статей о нем вышла в мае 1920 г.¹

¹ Ю т. К. В. Иванов и его «Нарспи». Газ. «Канаш», 1920, №№ 19, 20, 22, 23.

Естественно, что авторы публикаций об Иванове получили достаточную возможность печататься лишь с организацией в Чувашии журнально-издательского дела.

Первый чувашский журнал, в котором был литературно-художественный отдел, — «Шурӓмпущ» (Заря)². Однако статей по литературоведению он совершенно не печатал. Эту миссию смог взять на себя журнал «Сунтал» (Наковальня), который начал выходить с 1924 г. Вскоре в нем стали появляться статьи о жизни и творчестве Иванова. К числу наиболее ранних из них относятся публикации «Чувашская дореволюционная литература» Н. В. Шубоссинни³ (хотя она посвящена не только Иванову, но автор уделяет в ней много места поэме «Нарспи») и «Жизнь Константина Васильевича Иванова» Г. Комиссарова⁴.

Легко объяснить условиями времени, что обе эти статьи весьма несовершенны с точки зрения теперешнего состояния чувашской литературоведческой науки. Главный их недостаток — декларативные восхваления, панегиризм в адрес поэта без какого-либо состоятельного анализа его творчества. Все же известную пользу статьи принесли. Это относится прежде всего к биографическим сведениям об Иванове и ряду моментов из истории создания поэмы «Нарспи». Так, из статьи Шубоссинни, близко знавшего Иванова, мы узнаем, что сюжет поэмы был подсказан автору сторожем Чувашской учительской школы в Симбирске⁵, а это само по себе важно для установления связи произведения с устной народной поэзией. Статья же Комиссарова для своего времени была полезна тем, что представляла собой первый более или менее систематизированный материал о жизни Иванова.

В целом ряде ранних и вышедших позднее публикаций об Иванове основное внимание уделялось факти-

² Орган Чувашского отдела при Народном комиссариате по национальным делам (Казань). Выходил с 1919 г.

³ «Сунтал», 1927, № 4 (34), стр. 13—16.

⁴ «Сунтал», 1928, № 3 (45), стр. 14—16.

⁵ Вот что пишет об этом Шубоссинни: «Сторож Симбирской школы, подсказавший автору сюжет поэмы, все время плакал, когда говорил о судьбе Нарспи. «Эх, Костя, какая же Нарспи была несчастная!» — сетовал он».

ческому материалу из его жизни во время пребывания в Симбирской чувашской школе и после исключения из нее. Разработка биографических данных о поэте была вполне оправданной. В сущности, перед чувашским литературоведением стояли три основные проблемы, связанные с жизнью и творчеством Иванова: изучение его биографии, уяснение его мировоззрения, анализ его творчества.

Фактический материал из жизни Иванова представлен прежде всего воспоминаниями (Н. Шубоссинни⁶, М. Трубиной⁷, А. Лукина⁸ и т. д.). Помимо этого имеется большой биографический очерк Я. Ухсай⁹. Несомненно, что названные авторы внесли существенный вклад в изучение жизненного пути поэта. Это относится, прежде всего, к биографическому очерку Я. Ухсай (строго говоря, это не только жизнеописание Иванова: в очерке много места уделено анализу и оценке его творчества). Правда, не все в очерке соответствует действительности. На это в свое время было указано в прессе¹⁰. Так, Ухсай неверно приводит дату рождения Иванова (2 июня вместо 27 мая 1890 г.). Неправильно и его утверждение, что Иванов учился два года у своей тети в Кегень-Васильевской школе. Имеются противоречия в суждениях Ухсай о произведениях поэта. Например, он характеризует жителей села Сильби, где разыгрались трагические перипетии жизни героини поэмы «Нарспи», следующим образом: «Они мало что смыслят и в торговых делах... Они ничем не отличаются от тех звероподобных людей острова Новая Гвинея — папуасов, которых видел в 80-х годах прошлого века Миклухо-Маклай» (стр. 46). Наряду с этим Ухсай пишет, характеризуя отца Нарспи Мигедера: «Мигедер — это кулак, который подобно пауку, пил кровь бедняков в посконной одежде. Все его помыслы — о деньгах» (стр. 69). Между тем Мигедеру нельзя отказать в любви к своей дочери, и, вы-

⁶ Н. Шубоссинни. Константин Васильевич Иванов (Воспоминания). «Сунтал», 1935, № 4, стр. 20—21.

⁷ М. Трубина. Воспоминания. «Сунтал». 1940, № 9 (185), стр. 10—14.

⁸ А. Л. Лукин. Отрывки воспоминаний. «Сунтал», 1940, № 11 (187), стр. 22—29.

⁹ Яков Ухсай. Константин Васильевич Иванов (биографический очерк). Чувашгосиздат, 1940, 84 стр.

¹⁰ Лем. О некоторых ошибках. Журн. «Илемлё литература», 1941, № 2.

давая ее за богача, он не преследовал цели личного обогащения.

Вообще в попытках Ухсая разобрать те или иные стороны произведений Иванова чувствуется отсутствие навыков литературоведческого анализа.

Очень положительным было то, что постепенно появилось много статей, в которых, с одной стороны, устанавливалась истинная роль Иванова в истории чувашской национальной культуры и литературы, с другой — разбирались художественные особенности его произведений, что долго было почти совершенно не затронутой областью. Статьи эти сыграли важную роль в уяснении творчества поэта и во многом легли в основу последующих работ о нем, хотя в целом они очень неоднородны. Конечно, не удовлетворяли интересующихся творчеством Иванова поверхностные статьи Сергея Ялавина «Мастерство К. В. Иванова» и «Нарспи и народное творчество»¹², хотя бесполезны его же статьи «Классик чувашской поэзии»¹³, «Нарспи»¹⁴, «К. В. Иванов — драматург»¹⁵.

В уяснение вопросов, относящихся к мировоззрению и, следовательно, идейно-художественному содержанию творчества Иванова, с течением времени втягивается все больший круг лиц. Однако некоторые авторы лишь вводили читателя в заблуждение, создавая ложное представление о духовном облике поэта и затемняя истинный характер оставленного им литературного наследия. Примером этого может служить то, что в 1930—1935 гг. некоторые чувашские литературные критики встали на путь вульгарного социологизма в толковании мировоззрения Иванова и поэмы «Нарспи», оскорбляя саму память о великом поэте. Он объявлялся вульгаризаторами идеологом кулачества, буржуазным либералом, приспешником попов и миссионеров и т. д. Хуже всего было то обстоятельство, что часть подобных критиков занимала наиболее ответственные посты в чувашской писательской организации и редакциях областных газет.

¹¹ «Сунтал», 1939, № 5, стр. 31—33.

¹² «Сунтал», 1939, № 9 (173), стр. 29—30.

¹³ Газ. «Чăваш Коммуни» от 14 июля 1938 г.

¹⁴ Газ. «Чăваш Коммуни» от 29 февраля 1940 г.

¹⁵ Газ. «Чăваш Коммуни» от 19 октября 1940 г.

Высказывания об Иванове в духе вульгарно-социологической школы принадлежат, во-первых, Г. И. Кузнецову-Гелию (Кели). Это был публицист и критик, внесший свой положительный вклад в чувашское литературоведение. Однако творчество Иванова он понимал неправильно и оставил ряд глубоко ошибочных суждений о нем. Вот как Кузнецов-Гелий оценивает поэму «Нарспи» в одной из своих статей 1930 г.:

«Эта поэма — прежде всего реакционная. С нашей точки зрения не может быть признан положительным ни один из героев поэмы, потому что трудящиеся, которые стремились осознать свое бытие классово, не показаны в поэме в плане героического. Это главным образом кулацкое произведение: и кулаков, и бедняков оно призывает к единению на основе примирения и непосягательства на капиталистическое государство в условиях царизма¹⁶.

Интересно, что в том же 1930 г. Кузнецов-Гелий пишет статью «Историческое значение IV-ого съезда чувашских пролетарских писателей»¹⁷, в которой разбирает литературные группировки Чувашии в восстановительный период. Среди тех, кто не приемлет советский общественный строй, наиболее опасными он считает буржуазно-кулацких писателей, представляющих «самое вредоносное направление, выступающее непосредственно против Советов». Сама по себе эта мысль безусловно правильна. Однако она проливает свет и на то, какое место творческому наследию Иванова в условиях советской власти отводил Кузнецов-Гелий, объявляя в статье «Олимпийский поэт» поэму «Нарспи» таким произведением, в котором «нет даже элементов буржуазной революционности».

Столь же откровенно квалифицирует Иванова буржуазным идеологом Д. Д. Данилов. В статье «О поэме «Нарспи» в издании этого произведения к 20-летию со дня смерти Иванова Данилов заявляет:

«Никогда не нужно забывать, что «Нарспи» писалась в период реакции после революции 1905—1907 годов. Поэтому, вероятно, в поэме Иванова... нашли себе прибежище идеи черной реакции. Если бы поэму «Нарспи» писал революционно настроенный поэт,

¹⁶ Г. Кузнецов. Олимпийский поэт. «Сунтал», 1930, № 9, стр. 22—23.

¹⁷ «Сунтал», 1930, № 9, стр. 21—22.

то он не оказался бы в плену реакционных идей в период самой реакции. Судя по их произведениям (речь идет о М. Федорове и К. Иванове.— Н. П.), оба они являются не сложившимися еще полностью буржуазными демократами. Оба они не отошли от чувашских либералов и чувашских попов»¹⁸.

В статье «Чувашская художественная литература» Данилов пишет об Иванове:

«...поэт является восторженным певцом широкой, бережливой и «щедрой» богатой жизни культурной верхушки чувашской деревни. Поэт во всех подробностях, вплоть до бытовых мелочей знает жизнь этого слоя чувашской деревни и с большой любовью описывает ее.

Бедноту К. Иванов не знает. Представители бедноты, которые у него показаны вскользь, трактуются в пейзажном стиле. Они люди веселые, проживающие свой век в пирах, без особых забот и тревожений, они твердо соблюдают традиции и привычки, установленные отцами, дедами исстари»¹⁹.

Далее опять следует вывод, что творчество Иванова свидетельствует о «неоформленности буржуазно-демократического мировоззрения».

Правда, впоследствии Данилов отмежевался от сказанного им об Иванове ранее. Так, в одной из его работ о творчестве Иванова²⁰ мы читаем что все те, кто стремился оторвать поэта от народа, являются «литературными балалайкиными». Однако автор умалчивает о собственных ложных оценках Иванова, так что его суждения мало убедительны.

С трибуны собрания по случаю 20-летия со дня смерти Иванова выступил с дискредитацией его творчества председатель Союза чувашских советских писателей А. И. Золотов. Вот его оценка поэмы «Нарспи»:

«Однако мы не можем принять «Нарспи» полностью, без оговорок. Мы относимся строго критически к кулацким, националистическим элементам поэмы. Что представляют собой эти ее стороны?»

Во-первых, в поэме не показываются классовая борьба, затушевываются классовые противоречия. В селе Сильби все живут мирно, нет никаких классовых различий.

¹⁸ К. В. Иванов. Нарспи, Чувашгиз, 1935 г., стр. 13—14.

¹⁹ В сб.: Д. Данилов. Советская Чувашия. Национально-культурное строительство. Соцэкгиз, 1933, стр. 131.

²⁰ Д. Данилов. К. В. Иванов. Жизнь и творчество. Чувашгиз, 1940, 24 стр.

Во-вторых, в поэме преобладают мистицизм и пессимизм. Все в ней совершается по предначертаниям божества, предсказаниям знахарей. Поэма не устремлена в будущее, исполнена безнадежности...

Следовательно, Иванов не видел путей освобождения от гнета кулачества, эксплуатации. Мы ясно видим эти отрицательные стороны поэмы, не приемлем их. С этой точки зрения автор поэмы «Нарспи» не был революционным писателем. Мы открыто утверждаем, что он полностью был буржуазным демократом»²¹.

Временем, когда вульгарно-социологическим характеристикам мировоззрения и философии творчества Иванова был положен конец и он был возвращен обществу как народный поэт, нужно считать период подготовки и проведения 50-летия со дня его рождения, т. е. конец 30-х и самое начало 40-х гг. За эти немногие годы вышел целый ряд публикаций о жизни и творчестве Иванова, что объясняется не только все возрастающим интересом к его творчеству, но и стремлением понять его правильно. Среди публикаций имеются такие, в которых преимущественное место занимает трактовка Иванова как глубоко народного поэта. Так, с 1940 г. в периодической печати начинают появляться статьи о К. Иванове известного чувашского критика В. А. Долгова. Впоследствии они были изданы отдельным сборником²².

Все статьи сборника подобраны в соответствии с той разрешаемой в нем проблемой, о которой мы узнаем из предисловия к его первому изданию: «В каждой статье книги,— пишет автор,— затрагивается один и тот же вопрос — это вопрос о К. В. Иванове как о народном поэте»²³. Следовательно, В. А. Долгов преследует одну главную цель — рассмотреть все произведения Иванова как проявление единой закономерности, определяемой в данном случае духовным обликом поэта

²¹ См. опубликованный в печати текст доклада («Сунтал», 1935, 4, стр. 19—20). Достоинства поэмы «Нарспи» Золотов усматривает лишь в том, что в ней отображается тяжелое положение чувашской женщины до революции, а само произведение написано с большим художественным мастерством, на котором учатся чувашские писатели пооктябрьской эпохи.

²² В. Долгов. Чувашский народный поэт. Статьи о К. В. Иванове. Чувашгосиздат, 1952, 94 стр. Второе издание: В. Долгов. Чувашский народный поэт. Чувашгосиздат, 1961, 146 стр.

²³ Стр. 5 предисловия.

как выразителя интересов трудовых народных масс. В. А. Долгов выступал против всяких попыток представить Иванова выучеником буржуазных идеологов. Poleмична, например, его статья «По поводу высказываний о мировоззрении К. В. Иванова», представляющая собой критику характеристики Иванова как ученика французских буржуазных революционеров XVIII в., которая была напечатана на страницах журнала «Ялав» (Знамя) в 1959 г.²⁴ Эта статья В. А. Долгова тоже входит во второе издание сборника.

В статьях сборника автор охватывает все основные этапы жизненного пути Иванова и его творчества. Наиболее цельное впечатление оставляют статьи «Константин Иванов — мастер перевода» и «Не стареющее произведение».

В первой из приведенных статей автор, отправляясь от той высказанной в свое время К. Марксом мысли, что переводческая работа не есть что-то механическое, а творческое, анализирует перевод Иванова «Песни про купца Калашникова» Лермонтова и некоторых других его произведений. Эти переводы В. А. Долгов не считает соответствующими оригиналам буквально, а передающими идейный смысл, дух произведений. В статье выражается мысль, что если в «Песне» Лермонтова исключительно велика роль русской народной поэзии, то в переводе Иванова ясно чувствуется влияние чувашского фольклора. Статья «Константин Иванов — мастер перевода» до сих пор остается лучшим анализом переводческой работы Иванова.

Статья «Не стареющее произведение» посвящена разбору поэмы «Нарспи». Достоинством статьи является то, что анализ поэмы проводится в строгом единстве с эпохой и мировоззрением Иванова. Жаль только, что автор уделяет недостаточное внимание собственно художественной стороне произведения.

Объективно все статьи сборника В. А. Долгова направлены против вульгарного социологизма в толковании творчества Иванова. Большая заслуга автора в том, что его работы способствовали правильной оценке лич-

²⁴ См. Р. Федотов. 50 лет со дня выхода антологии чувашской литературы, «Ялав», 1959, № 1.

ности и художественного наследия великого чувашского поэта, правильному пониманию его роли в чувашской национальной культуре.

Интересно отметить, что вульгарный социологизм по отношению к писателям прошлого имел распространение и в татарской литературной критике. Вот что мы читаем, например, в книге о развитии татарской советской литературы:

«...в поисках правильного теоретического направления было допущено немало ошибок и искажений в духе вульгарного социологизма, изжить которые татарскому литературоведению удалось далеко не сразу. В результате этих искажений такие демократические писатели, как Г. Тукай, Г. Камал, Ш. Камал, Ф. Амирхан, творившие до социалистической революции, были объявлены выразителями буржуазной идеологии»²⁵.

Не сразу был изжит вульгарный социологизм и в чувашском литературоведении. Для этого потребовались такие исторические явления в писательской организации Советского Союза, как постановление ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций (1932 г.), первый съезд советских писателей (1934 г.). Усилила свою работу по руководству литературным процессом в республике и чувашская партийная организация.

Попыткой научного исследования жизни и творчества Иванова является кандидатская диссертация И. Н. Сутягина «Константин Иванов и русская литература», работа над которой велась в конце 30-х и в самом начале 40-х гг. Этот труд имеет ряд положительных сторон: в нем впервые в чувашском литературоведении был обобщен и систематизирован материал об Иванове, известный ранее по отдельным публикациям, проанализированы и получили ту или иную оценку все произведения поэта, сравнительно детально разобрана поэма «Нарспи» и т. д. Правильность многих суждений автора работы и сейчас не может вызывать сомнений. Главное достоинство диссертации И. Сутягина в том, что он многосторонне прослеживает связи творчества Иванова с русской литературой, что и являлось главной целью этого труда. Впоследствии материал диссертации по-

²⁵ История татарской советской литературы. М., издательство «Наука», 1965, стр. 141.

служил основой для брошюры И. Сутягина об Иванове²⁶. Однако как диссертация, так и брошюра И. Сутягина имеют очень многие недостатки (здесь не могло не сказаться то, что он не знал чувашского языка, и ему приходилось работать главным образом только по подстрочникам или по тому, что он смог найти об Иванове и его творчестве на русском языке).

Прежде всего, поражает скудность биографических сведений об Иванове. Сутягин не только не внес чего-либо нового по сравнению с тем, что было известно о жизни Иванова до него, но даже не использовал в достаточной степени имеющееся. Есть в жизнеописании Иванова неточности и искажения. Так, неверно утверждение Сутягина, что Иванов специально для букваря 1912 г. («Новый букварь для чуваш с присоединением русской азбуки»), над которым он работал совместно с И. Т. Трофимовым, «написал несколько рассказов»²⁷.

Много неточностей и ошибочных утверждений и в характеристике поэтической деятельности Иванова и ее значения. Это в равной степени относится и к ряду общих оценок творчества поэта, и к анализу некоторых его произведений.

Вот как представляет себе Сутягин роль Иванова в становлении чувашского литературного языка и развитии жанров чувашской литературы:

«Он первый из чувашских поэтов создал нормированный (?) литературный язык, совершенно самостоятельно разрешил проблему звучного, простого и подлинно народного языка, доказал возможность чувашского национального эпоса, лирики и драмы» (стр. 12—13).

Все здесь слишком односторонне и потому ошибочно. Никто, конечно, не думает отрицать исключительной роли Иванова в создании чувашского литературного языка. Однако приписывать это только ему одному нельзя. В возведении чувашского народного языка на

²⁶ И. Н. Сутягин. К. В. Иванов — основоположник и классик чувашской литературы. Чувашгосиздат, 1946, стр. 3—44.

²⁷ В действительности Иванов обработал для букваря две чувашские народные песни («Телега» и «Дождь») и перевел с русского хрестоматийные произведения «Ласточка» (из «Родного слова» К. Д. Ушинского), «Времена года» (детское стихотворение по мотивам русских народных загадок) и сказку «Репка».

степень литературного большую роль сыграли такие, например, чувашские писатели, как М. Ф. Акимов и Тайр Тимки, не говоря уже о других хыбаровцах. М. Ф. Федорове и т. д. Достаточно сослаться на очерки и новеллы Акимова, стихи и стихотворную прозу Тайра Тимки, широко известную балладу «Леший» Федорова. Нельзя утверждать и того, что один Иванов впервые доказал возможность существования чувашского эпоса, лирики и драмы. Вместе с ним доказали это Федоров («Леший» — лиро-эпическое произведение), Тайр Тимки (ему принадлежит ряд произведений лирики и лиро-эпики) и Акимов (он является автором пьесы «Деревенская жизнь» — первого печатного произведения чувашской драматургии, опубликованного гораздо раньше, чем наброски трагедии «Раб дьявола» К. Иванова). Таким образом, автор брошюры об Иванове рассматривает его творчество в отрыве от чувашского литературного процесса в целом, что приводит его к ошибкам. Правильнее было бы рассуждать так, что Иванов, наиболее талантливый из всех чувашских писателей своей эпохи, выразил сущность зарождавшейся литературы и тенденции ее развития в наилучшей степени.

Правильно, с учетом чувашского литературного процесса эпохи, определяется значение творчества Иванова для становления чувашского литературного языка в сборнике В. А. Долгова со статьями об Иванове. Возражая тем, кто отвергал основополагающую роль Иванова в разработке чувашского литературного языка, считая его основоположником И. Я. Яковлева, автор пишет:

«Безусловно, для развития чувашского языка и литературы нужны были и рассказы И. Я. Яковлева, и его «Сармандей», однако в возникновении нашей литературы и литературного языка гораздо большую роль, чем сказка «Сармандей», сыграли поэма «Нарспи» Иванова, газета «Хыпар», произведения Н. В. Шубоссинни, Тайра Тимки, М. Ф. Акимова, Н. И. Полоруссова-Шелеби и др. Для этого потребовались и переводы произведений М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, Л. Н. Толстого. В этом глубинном процессе исключительно велика и почетна роль К. В. Иванова»²⁸.

Сомнительно утверждение Сутягина о самом творческом облике Иванова. В брошюре мы читаем: «По

²⁸ В. Долгов. Чувашский народный поэт К. В. Иванов. Изд. 2-ое. Чувашгосиздат, 1961, стр. 7.

всему своему поэтическому складу Иванов — прежде всего лирик» (стр. 15). Простой перечень произведений Иванова убеждает в односторонности этого мнения: основное место в его творчестве занимают стихотворная сказка «Две дочери», баллады «Вдова» и «Железная мялка», поэма «Нарспи». Безусловно, глубокий лиризм — одна из основных особенностей поэтического облика Иванова, что он доказал всеми своими произведениями, но нельзя отрицать преобладания в его творчестве эпического начала. В оценке творческого склада Иванова прав М. Я. Сироткин, который пишет:

«Самобытность поэта больше всего сказалась, однако, не в лирике, а в эпической поэзии. Чувашская художественная литература до К. Иванова не сумела поднять достаточного круга тем национального значения и создать галерею развернутых художественных образов... И, естественно, поэт тянуло к устному творчеству, к первоисточнику эпических тем и образов»²⁹.

Нельзя согласиться с Сулягиным и в том, что для перевода «Песни про купца Калашникова» Лермонтова «Иванов взял размер чувашских свадебных такмаков, которые больше всего позволяли передать героический характер и народную силу поэмы» (стр. 19)³⁰. Известно, что это произведение Лермонтова написано старинным русским песенно-тоническим стихом (как правило, с двумя сильными ударениями). Следует этому и Иванов, и значение его перевода «Песни про купца Калашникова» состоит, в частности, в том, что это первый в чувашской литературе опыт использования тонического стихосложения, подчиняющегося принципу равенства произвольно расположенных ударений в стихах. Своеобразие стиха Иванова лишь в том, что он почти на всем протяжении «Песни» соблюдает и равенство слогов в стихах (это идет от силлабики), чего не придерживается Лермонтов. Это видно из следующего примера:

И в ответ ему братья мѳвли: Ана хирѳс сѳпла ик тѳвѳн калать
 Куда вѳтер дует в поднебесьи — Пѳлѳт айѳ тѳрѳх ѳста
 Туда мѳчатся и тучки сѳйл вѳрет.
 послушные... сѳмѳр пѳлѳчѳ те унталлѳх
 шѳвать...

²⁹ М. Я. Сироткин. Константин Васильевич Иванов (Критико-биографический очерк). Чувашгосиздат, 1955, стр. 17.

³⁰ Та же ошибка содержится в книге Б. Бассаргина «Яков Ухсай».

Свадебные же такмаки, как и вся дореволюционная чувашская поэзия, при всех своих вариациях построены на силлабической основе.

Как бы итогом всего наиболее достоверного и правильного, что отложилось в чувашском литературоведении о Константине Иванове и его художественном наследстве, явились тезисные материалы для докладчиков, изданные во время подготовки к проведению 50-летия со дня его рождения³¹.

Значение этих материалов состоит прежде всего в том, что они подчеркивают демократизм мировоззрения Иванова, влияние на него революционных идей и настроений:

«Мировоззрение К. Иванова как демократического писателя оформилось под влиянием прогрессивных идей русской классической литературы, революционных событий 1905—1907 годов» (стр. 5).

Отметив, что «в поэзии Иванова ясно чувствуется веяние духа революционного времени», тезисы устанавливают, в чем именно это выражается:

«Поэзия Иванова — это поэзия борьбы против гнета человеческой личности, утверждающая веру в торжество свободного человека, провозглашающая, что «нет никого в мире сильнее человека» (стр. 6).

Вопреки всем тем, кто так или иначе пытался принизить значение Иванова, представить поэта далеким от прогрессивных идей современной ему эпохи, тезисы подчеркивают глубокую народность его творчества.

Тезисы содержат биографические сведения об Иванове, которые даются на основе показа становления в нем чувства протеста против жестокости «тюрьмы народов», вызревания в поэте демократических идей, все большего сближения его с трудовым народом.

Характеристика идейного содержания и этической ценности поэзии Иванова дополняется определением ее роли в литературном процессе, языковой культуре чувашского народа.

³¹ Жизнь и творчество К. В. Иванова. Материалы для докладчиков. Чувашгосиздат, 1940, 30 стр. Тезисы составлены на русск. и чув. языках по поручению Чувашского обкома партии. Редакторы — А. Эсхель и В. Долгов.

«Поэзия и язык поэзии Иванова легли в основу развития всей чувашской художественной литературы и чувашского литературного языка» (стр. 7).

Наряду с тезисами, в правильном освещении и популяризации творчества Иванова большую роль сыграл специальный сборник критических статей о нем (статьи С. Горского, Н. Чертовой и т. п.), вышедший вскоре после опубликования тезисов на русском языке³².

Из других публикаций об Иванове, вышедших в 1940 г., следует отметить работу С. П. Горского «Язык поэмы «Нарспи»³³. Эта работа интересна тем, что освещает мастерство языка поэмы «Нарспи» в разных аспектах — со стороны его стиля, поэтического синтаксиса и техники стиха. В специальном разделе статьи — «Работа Иванова над образами» разбирается творческая манера поэта в создании портретов. В целом статья и сейчас не потеряла своего значения, хотя с отдельными положениями ее нельзя согласиться. Так, автор считает, что поэму не нужно было заканчивать гибелью героини, потому что «это свидетельствует о ее бессилии против старых порядков». Но ведь Иванов был объективно прав, отражая жизнь и быт чувашской дореволюционной деревни, душившие человеческую личность! Куда же в таком случае девать Катерину из «Грозы» А. Н. Островского, Анну Каренину из знаменитого романа Л. Н. Толстого и т. д.?

Накануне Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в печати появились сообщения Н. Данилова «Литературное наследство К. В. Иванова», «Из рукописей К. В. Иванова», «Народные песни, записанные К. В. Ивановым»³⁴, небольшое исследование И. Тукташа «Творчество К. В. Иванова и чувашский фольклор»³⁵ и статья А. Лукина «Константин Васильевич Иванов в Симбирской чувашской школе»³⁶. Война задержала дальнейшее изучение творчества Иванова.

Большой интерес представляли для своего времени сообщения Н. Данилова. Ценность их заключается

³² К. В. Иванов. Материалы юбилейных торжеств, посвященных пятидесятилетию со дня рождения поэта. Чувашгиз, 1941.

³³ «Сунтал», 1940, № 12, стр. 28—33.

³⁴ Альм. «Илемлё литературя», 1941, кн. 2, стр. 21—29.

³⁵ Там же, стр. 154—167.

³⁶ Там же, стр. 5—17.

главным образом в том, что вместе с ними опубликованы рукописные материалы Иванова, которые не были известны ранее. Среди них — записи его родословной по семейным преданиям и воспоминаниям односельчан («Потомки Прты», «Старуха Прта»), несколько стихов из начатой им сказки о трех братанах-дураках, наброски планов произведений и т. д. Интересны сообщения и сами по себе. Так, в первом из них содержится свидетельство сестры поэта Марии Васильевны, из которого мы узнаем о его пристальном внимании к жанру драмы. Приводит Н. Данилов и названия утерянных и потому не увидевших света произведений Иванова (стихотворение «Труженик», отрывок из поэмы «Маленький Унесь»).

Содержательна статья И. Тукташа. Проследив идейные связи творчества Иванова с устной народной поэзией и, далее, то, что его более привлекали в ней мотивы гуманизма и свободолюбия, И. Тукташ устанавливает, как именно это проявилось в сказке «Две дочери», балладах «Железная мялка» и «Вдова», поэме «Нарспи». В статье подчеркивается мысль, что Иванов вводил элементы фольклора в поэму «Нарспи» не механически, а усиливая их социальное звучание, соотносясь с идейным замыслом своих произведений. Сам И. Тукташ делает следующий правильный вывод:

«Образцы народного творчества он (т. е. Иванов.— Н. П.) вводил не в готовом виде, без всяких изменений, а обновляя их, придавая им новую эмоциональную силу, пронизывая социальными идеями и мотивами, заостряя это. Поэтому сказки Иванова до сих пор не утратили своего социального значения и художественной ценности»³⁷.

Статью И. Тукташа можно назвать первым в чувашском литературоведении удачным опытом анализа народно-поэтических элементов в творчестве Иванова на основе известного положения марксистско-ленинской эстетики о единстве содержания и формы искусства.

Следующим важным этапом в изучении творчества Иванова явилось десятилетие с 1948 по 1957 год. Среди написанного об Иванове в этот период одно из основных мест принадлежит работам М. Я. Сироткина.

³⁷ Указанная статья, стр. 162.

В конце 40-х гг. выходит монографический труд М. Я. Сироткина о дореволюционной чувашской литературе с большим разделом о К. В. Иванове³⁸. Лучшим материалом раздела является анализ идейно-художественного содержания поэмы «Нарспи». Автор разбирает историю создания поэмы, ее образы, стиль, средства композиции и языка, влияние фольклора и характер его использования, значение поэмы в истории чувашской литературы и в становлении чувашского литературного языка. При всем этом М. Я. Сироткин, естественно, использовал работы об Иванове, вышедшие ранее (в частности, статьи В. А. Долгова).

В переработанном виде раздел «Очерков дореволюционной чувашской литературы» о К. В. Иванове издан отдельной брошюрой³⁹ и в академическом издании сочинений Иванова⁴⁰.

Указанное академическое издание произведений Иванова, вышедшее под грифом НИИ при Совете Министров ЧАССР, является значительным достижением чувашского литературоведения как в изучении, так и в популяризации творчества основоположника чувашской поэзии. Книга издана на русском и чувашском языках, включает в себя все сочинения Иванова, летопись его жизни и творчества, библиографию произведений, различные документы и письма. Издатели позаботились о подробных комментариях и примечаниях, а также иллюстрациях. Издание дает достаточную возможность для основательного ознакомления с жизнью и творчеством Иванова.

В приведенном издании сочинений Иванова имеется, к сожалению, и ряд досадных неточностей. Так, составитель комментариев к изданию Н. Ф. Данилов отводит Иванову второстепенную роль в работе над «Букварем для чуваш с присоединением русской азбуки» (букварь вышел в 1913 г.), тогда как Иванов с полным правом может быть назван соавтором букваря. Не соответствует действительности и то, что Иванов якобы закончил

³⁸ М. Я. Сироткин. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чувашгиз, 1948, стр. 3—246.

³⁹ М. Я. Сироткин. Константин Васильевич Иванов. Критико-биографический очерк. Чувашгиз, 1955, 31 стр.

⁴⁰ Константин Иванов. Собрание сочинений. Чувашгиз. 1957, 458 стр.

работу над своей стихотворной романтической трагедией «Раб дьявола» уже в начале 10-х гг. XX в. Этого не могло быть хотя бы потому, что возврат к романтизму после реалистической поэмы «Нарспи» вообще был бы шагом назад в творчестве Иванова, что мало вероятно.

Все же академическое издание сочинений Иванова — большой вклад в изучение его жизни и творчества.

Те или иные печатные материалы о жизни и творчестве Иванова выходят и в наши дни. Охватывают они различные стороны деятельности поэта и судьбы его литературного наследства. Так, Н. Краснов освещает педагогическую деятельность Иванова, ряд работ представляет собой критический анализ переводов сочинений Иванова на язык других народов (например, статья Г. Волкова о переводе «Нарспи» на татарский язык⁴¹) и т. д. Это свидетельствует о непреходящем интересе общественности ко всему тому, что связано с именем великого поэта.

* * *

Как видно, чувашским литературоведением сделано многое для уяснения жизни и творческого пути Константина Иванова. Самое главное заключается в том, что установлено его место в истории чувашской национальной культуры. Однако можно ли считать разрешенными все проблемы, связанные с именем основоположника чувашской поэзии? Факты свидетельствуют, что нельзя этого сказать.

Во-первых, если сравнительно полно изучена биография поэта и здесь не может быть каких-либо больших разногласий, то этого нельзя сказать о проблемах, относящихся к мировоззрению Иванова. Не секрет, что до сего времени имеются попытки представить Иванова революционером, призывавшим к свержению старого строя и установлению нового (так трактует взгляды Иванова, например, С. С. Спиридонов в своей книге «Мировоззрение чувашского поэта-демократа К. В. Иванова», изданной в 1957 г.), хотя это не соответствует истине. Существует разногласие и в вопросах о том, можно ли отнести Иванова к передовым мыслителям

⁴¹ Г. Волков. Изумительная наша «Нарспи» (Мысли о переводе «Нарспи» на татарский язык). «Ялав», 1960, № 5, стр. 29—31.

своего времени, как он относился к захватническим и справедливым войнам (одни утверждают, что он понимал разницу между захватнической и справедливой войной, другие это отрицают) и т. д. Словом, проблемы, связанные с мировоззрением Иванова, еще нельзя считать снятыми с повестки дня.

Во-вторых, художественное творчество Иванова, его многогранное мастерство изучены пока недостаточно. Ведь до сих пор мы не имеем глубокого научного анализа поэтической структуры поэмы «Нарспи». Об этом произведении написано много, но капитального исследования, которое обобщило бы все напечатанное о поэме до настоящего времени и открыло в ней новые грани, нет, а это настоятельно необходимо. Нельзя считать достаточно изученной и переводческую деятельность Иванова, поразившего своих современников красотой и гибкостью своих совершенных переводов.

Есть и еще одна проблема, от которой тоже не должно стоять в стороне чувашское литературоведение,— популяризация творчества Иванова среди всесоюзного читателя и за рубежом. Эта популяризация может быть осуществлена и осуществляется прежде всего через русские переводы произведений Иванова. Между тем качество этих переводов и сейчас остается неудовлетворительным. Например, поэма «Нарспи» имеется в пяти русских переводах (А. Петтоки, А. Жарова, Б. Иригина, П. Хузангая и В. Паймена). Ни один из них нельзя назвать вполне доброкачественным. Требуется новый перевод поэмы Иванова. При осуществлении его так или иначе должно сказать свое слово и чувашское литературоведение.

Хочется надеяться, что будет сделано все для дальнейшего изучения творчества К. В. Иванова.

